23.07.2003

Аксенов Василий

Василий Аксенов: На кой мне чёрт жить в Казани?

Он встретил меня на вокзале. «Вы — Ольга?» — спросил на французском. И тут же признался, что впервые говорит с журналистом на этом языке. «Хотите посмотреть Биарриц?» Могла ли я отказаться, когда гидом был Василий Аксенов, автор прославленной «Бочкотары»?

«Когда покупал дом в Биаррице, с женой не советовался»

— Удивительный город, вы его непременно полюбите, — продолжил он уже в машине. — Здесь до сих пор живут потомки Оболенских, Рябушинских... И церковь русская есть. Вот он, этот огромный собор. Настоятель в нем, отец Георгий, — китаец. В совершенстве говорит по-русски... А это главная набережная, тут недалеко стоит церковь Святой Евгении. В ней — невероятно хрупкая фигура девушки, которая напоминает мне мою молодую маму, Евгению Гинзбург.

Спустя несколько минут машина притормозила у белоснежного дома. Маленький пекинес выбежал встречать хозяина.

— Ну что, Пушкин, принимай гостей, — скомандовал Василий Павлович.

— Очень уютное местечко вы себе выбрали. Долго искали?

— Все произошло совершенно спонтанно. Я был в 1999 году на фестивале культуры в Тулузе. Оставалось несколько свободных дней, решил провести их с пользой. Сначала хотел поехать в Ниццу, но так как был там много раз, направился в другую сторону. Почему бы не в Биарриц? У этого города особый дух. Тут жили Чехов, Набоков... В общем, взял машину и поехал своим ходом. Провел здесь неделю, а так как время приближалось к отставке из института...

— Вам намекнули, что возраст пенсионный?

— Да нет, я сам собирался уходить... Тогда я в первый раз и подумал — еще вполне абстрактно, — что хорошо бы здесь поселиться. А первого января 2000 года, когда был в Париже, сел в поезд, отправился сюда. Приехал ночью. В городе пустота, светились только иллюминации и вывески агентств недвижимости. Первое, что увидел — фотографию этого дома. Мне подходили и расположение, и цена. На следующий день зашел в агентство: сидит молодой парень, хорошо говорит по-английски, он меня тут же подхватил... Приехали смотреть этот дом, тут была хозяйка — мадам Графан, старушка. Я зашел во двор, увидел этот куст камелии. Посмотрите на него! Он весь пылает. Вот таким же я его тогда увидел — и затрепетал. Потом обошли дом вокруг, и я увидел сад. «Все, буду здесь жить!» — мгновенно решил я, и мы тут же подписали договор о намерениях. Тогда был очень выгодный курс доллара, и дом обошелся дешево. Но я как-то дико волновался, было ужасное возбуждение. По сути дела, я первый раз сам выбирал себе жилище.

— И даже не посоветовались с супругой?

— Нет, я позвонил ей после. Но мне казалось, что она одобрит мою покупку. Первый раз Майя увидела дом спустя пять месяцев. Когда в конце мая мы приехали сюда, дом был абсолютно пустой. Полностью пустой, как смешно говорится по-русски. Не было ни электричества, ни отопления, и мы не знали, как его включить. Спали пять дней на надувных матрасах. А потом появился агент, ткнул куда-то пальцем — и все зажглось. Прошлой осенью я сделал себе кабинет и теперь рассматриваю Биарриц как свое рабочее место. Это мое Переделкино. У нас здесь почти нет знакомых, поэтому меньше времени уходит на болтовню. Это я вам сделал исключение. А так, чтобы поболтать, уезжаю в Москву. Там у меня язык до того устает от трепа, что в Биаррице не хочется разговаривать вообще. Приезжаю, сажусь за роман и чувствую: добрался я до своего гнезда.

«Московскую сагу» доснимут к осени»

— Вы уже засели за новый роман, а «Московская сага» еще не вышла на экраны. Когда сможем ее увидеть?

— Всего планируется 12 серий по часу. Если не будет какого-то финансового краха, в течение лета, к осени, съемки будут завершены.

— По всей видимости, вы вне процесса?

— Прямого участия не принимаю, так как продал все права. Но когда приезжаю, со мной советуются, например, при отборе актеров. А так у меня там сын работает главным художником — как сейчас говорят, арт-директором.

— Не боялись совсем отдать свое детище в руки сценаристов без права дальнейшего влияния?

— Вначале были некоторые опасения, а сейчас я посмотрел материал и вижу, что он не так уж сильно отличается от оригинала. Хотя некоторые моменты отхода от книги есть. Но я, собственно, и не претендую на то, чтобы это было строго по роману. Как это обычно бывает с экранизациями, надо искать компромиссный вариант.

— Слышала, в роли Берии вы сами хотели сниматься...

— (*Смеется.*) Это я пошутил. Думал, они будут так долго снимать картину, что я к этому времени облысею и смогу его сыграть.

— Так любите Лаврентия Павловича?

— Для меня он далеко не ненавистный персонаж. У него было чувство юмора, которое иногда все-таки проявлялось. Взять хотя бы историю с отцом Звиада Гамсахурдиа — классиком грузинской литературы Константинэ Гамсахурдиа. Он был большевиком и колоссальным грузинским националистом. И когда в Грузии запрещали все проявления национализма, старший Гамсахурдиа надевал самый национальный костюм: черкеску средних веков со всем набором, кинжал, шапку — и прогуливался так по главному проспекту — Руставели. Все от него шарахались, а Берия, проезжая мимо, высовывался из своего «Паккарда» и кричал: «Все равно не арестую!» Он был бандит. Настоящий бандит. А бандиты все-таки лучше, чем большевики. Потому что большевик — и бандит, и большевик, а тот просто бандит. И потом, Берия задумал перестройку. Если вы возьмете бумаги против него, которые были засекречены с июля 1953-го, там нет ни одного обвинения в жестокости, применении пыток. Что он, кстати говоря, и делал — мерзости при нем было немало. А его обвиняли в желании распустить колхозы, отдать ГДР на Запад, ликвидировать лагеря, разрешить людям вернуться в Прибалтику. Таких идей у него была масса. Он хотел изменить советский строй почти на 40 лет раньше, чем это сделал Горбачев.

«Горбачев организовал против меня травлю в «Крокодиле»

— Значит, для вас это две значительные фигуры: Берия и Горбачев. Поэтому вы взялись за очерк о Михаиле Сергеевиче?

— А откуда вы знаете? Нет, правда, откуда?

— Из Интернета, в котором, как в Греции, есть все.

— Это какая-то очень странная история и, по-моему, не очень чистая. Я вам сейчас все расскажу. Мне вдруг стали звонить какие-то молодые люди и предлагать принять участие в проекте «Автографы XX века». В этой серии самые знаменитые писатели, по их отбору, пишут очерки о самых знаменитых людях века, ныне еще живущих. Потом эти герои и авторы оставляют на книгах свои автографы, и они продаются по какой-то огромной цене. Писателям предлагались гонорары за очерки, а героям — за автографы. Очень какой-то щедрый в финансовом смысле проект. У них был список героев и писателей. Я попросил сначала список писателей. Прислали. В нем оказалась примерно треть уже отсутствующих. Ну, просто не знали эти молодые люди, что нет больше таких писателей. Среди героев умерших было меньше. Каждый писатель должен был написать о пяти героях. Пять я так и не смог там для себя найти, а вот двух точно хотел — Горбачева и Нельсона Манделу, как двух освободителей. Подписал с ними договор, и после этого все абсолютно заглохло.

— Горбачев якобы отказался от вашей кандидатуры и захотел, чтобы о нем писала Франсуаза Саган. Обиделся он на вас. Что-то вы о нем не очень хорошее сказали в передаче одного американского канала накануне его визита в США в конце 80-х.

— Да, был довольно чепуховый момент. Перед его приездом в Америку в 1987 году Си-Би-Эс пригласила меня сыграть роль воображаемого хозяина, который принимает Горбачева в Вашингтоне. Надо было показать гостю город. Я ходил с их журналистом-комментатором и рассказывал, куда бы сводил Михаила Сергеевича. Было довольно забавно. Мы подошли к одному магазину, и там был портрет Горбачева. Я сказал: «Вот это — типичный образец социалистического реализма. Советский реализм показывает действительность не такой, какая она есть, а такой, какой хотелось бы видеть. Вот вы видите портрет Михаила Сергеевича с абсолютно отполированной головой, нет никаких пятен».

— Да, не пощадили вы своего гостя...

— Был еще один скользкий момент. В Джорджтауне есть очень красивый шоппинг-центр, сделанный под замок. Мы прогуливались по нему, и я сказал, что привел бы Михаила Сергеевича и Раису Максимовну сюда. Ей было бы интересно посмотреть витрины, зайти в бутики. А журналист вдруг спрашивает меня: «А как вы думаете, что бы Горбачев подумал после посещения этого места?» — «Не знаю... Может, что это для него здесь все принарядили». Вот и все, больше ничего особенного не было. И это вышло в эфир. Потом я слышал, что Горбачеву в посольстве показали кассету с видеозаписью, и он негодовал: «Как так?! Аксенов вместо того, чтобы вместе с нами бороться за перестройку, подрывной деятельностью занимается!» После этого уже в 1988 году в «Крокодиле» против меня организовали всенародную кампанию в лучших советских традициях. В течение полугода выходили карикатуры чуть не в полный рост с подписями: «Аксенов — жалкий пресмыкающийся перед ЦРУ». Совершенно немыслимые версии строили. Это все тот же Бобков организовывал, который потом был с Гусинским...

«Для меня вариант Солженицына — просто полная чепуха»

— Теперь вас никто не может упрекать в связях с ЦРУ, а вы зачем-то покидаете Америку.

— Мне как-то последнее время там не очень по себе.

— По-человечески или литературно?

— Скорее последнее. Я пишу сейчас довольно сложную литературу, она как-то не находит там отклик у читателей. В прессе широкое освещение, а книги продолжают лежать на прилавках. Я понял, что не востребован именно читателем. Мои читатели — узкий круг, он все уже и уже. И я как-то теряю свою индивидуальность, то есть писателем себя больше не чувствую, а перехожу в категорию университетского преподавателя. Меня это не устраивало. Я все-таки считаю себя прежде всего писателем, а университетским преподавателем только постольку, поскольку деньги надо было зарабатывать. Из Советского Союза уезжал, спасая свою прозу, которую власть активно не принимала, считала ее подрывной деятельностью. И теперь, как ни странно, уезжаю из Америки... в некоторой степени с этой же целью. Спасая свои романы.

— Вас перестали понимать?

— У меня начались неприятности с издателями. Крупное издательство «Рэндом Хаус» издало много моих романов. Они никогда не ждали от меня больших прибылей. Издавали, потому что им это надо было для престижа. А сейчас это стало неинтересно.

— Вам что, об этом прямо сказали?

— Мой издатель — вполне культурный человек, сам писатель — написал мне: «Ты пишешь както так высокомерно, не обращая внимания на потребности рынка, мы не можем найти спроса. Вот «Новый сладостный стиль» провалился в продажах, а ты продолжаешь писать в этом же ключе новую вещь. Ты не сделал никаких выводов из того, что предыдущий роман провалился». Да почему я, черт возьми, должен делать выводы из того, что книга не продалась? Это же их проблема, в конце концов. Американский читатель не читает рецензии. Ему наплевать на них. Он читает только рекламу, на нее уходят все способности к чтению. Теперь издатели и вовсе перестали тратить деньги на рекламу моих книг. Кроме того, на американском книжном рынке существует — это, кстати, омерзительно — то, что в советской прессе называлось нравами акул с Уолл-стрит. Шакалий бизнес. Я понял, что это мне уже противопоказано. По возрасту — не комильфо к кому-то приспосабливаться. Я достаточно много написал, у меня есть репутация, мой главный читатель — в России. Там без всякой рекламы покупают мои книги.

— Тогда, может, стоило в России поселиться? Купили бы домик недалеко от родной Казани и жили бы, наслаждаясь тишиной?

— А на кой мне черт жить в Казани? Я космополит. Я уже отравлен эмиграцией. Жизнью в стороне, среди людей, которые не принадлежат твоей прямой культуре. И потом, я вернулся в Россию. У меня в России дом, бываю там столько, сколько хочу.

— А Солженицын все равно предпочел вернуться в Россию...

— Пожалуйста, Господи, это его личное дело! Солженицын никогда не был близко связан с другими культурами. Он почвенный, российский. У него еще и возврат шел на волне собственного мессианства. Он возвращался как мессия, с откровениями, которые нес народу. Для меня такой вариант — просто полная чепуха. Я сочинитель, у нас разные профили. Мои старые корни как раз в Европе, она мне ближе.

«Надеюсь, Путин с Березовским еще помирятся»

— Я вижу, «Век Вольтера» читаете.

— Потрясающая вещь, скажу я вам. Чем больше читаю, тем больше влюбляюсь в эту эпоху. Кажется, сейчас России не хватает своего Вольтера.

— Смотрю я на вас, и кажется, что есть между вами и Вольтером некое сходство.

— Вольтера много раз в буквальном смысле слова выгоняли из Парижа, давали понять, что ему надо уехать. И многие свои вещи ему приходилось издавать в Англии. Но этим сходство исчерпывается: он был человек общественный, колоссальный деятель.

— А вы — нет? Ваши многочисленные выступления на телевидении, радио, в прессе? Организация либерального движения?

— Нет, в такой степени я не вовлечен в это. Вольтер — это же знаменитое дело Калласа, когда он выступил в защиту гугенотов. Он их отстоял после казни главы семейства. Боролся, как лев. У него был колоссальный общественный темперамент, а я — сочинитель все-таки... С либеральным движением не все так гладко. Оно существует, никуда не делось, но вот организационной формы не получило. Шансы на это еще уменьшились после того, как пути Березовского и Путина разошлись. Оформлять, в общем, некому. Но я еще надеюсь. Во всяком случае, не исключаю, что в какой-то момент Владимир Владимирович с Борисом Абрамовичем все-таки помирятся. Я бы этого хотел, честно говоря.

— Почему?

— Хотя бы потому, что Березовский сейчас исключен из российского процесса — это не на пользу России. Если бы он участвовал во многих делах, было бы лучше. Возникало бы больше идей.

— Как-то с трудом представляется, чтобы они могли найти общий язык. Думаете, они смогут поделить власть?

— Да нет, без раздела власти. Просто один занимается одним, а другой другим. Они прекрасно сотрудничали в начале политической карьеры Путина в Москве. На неофициальных мероприятиях называли друг друга не иначе, как Боря и Володя, очень по-приятельски.

— И чем, по-вашему, должен заниматься Березовский?

— Как чем? Финансами, экономикой, строительством либерального движения. Чем угодно.

— Считаете, российский либерализм в глубоком кризисе?

— Россия стала очень либеральной страной. Хотя, с другой стороны, мы живем в состоянии постоянной шизофрении, первый признак которой — отсутствие связи с реальностью, невозможность расстаться с прошлым. Масса людей не могут исключить из своего сознания все то, что было на протяжении 70 лет. Не могут плюнуть на это, не могут изжить это в себе. Это касается всех, в том числе и нас с вами. Вот один из примеров: спутниковый канал «Наше кино», где крутят в основном кинофильмы советского периода. Боже мой, какая фальшивая интонация у всех актеров! И тем не менее я смотрю эти фильмы с ностальгией, мне так или иначе это интересно. Это была моя жизнь. И ни вы с вашим маленьким советским опытом, ни я с моим большим не можем выбросить это из себя.

— Это все началось не с приходом Путина.

— Это было и до него. Просто сейчас это уже сознательно, а до этого было бессознательно. Эта раздвоенность проявляется в мельчайших приметах.

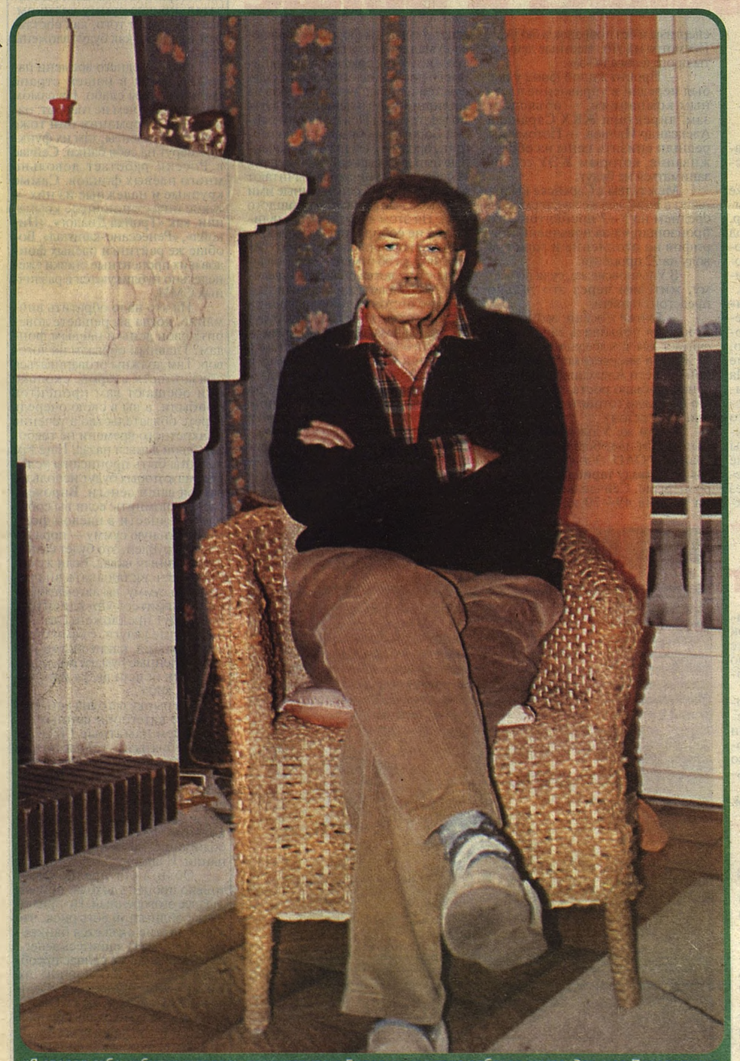
— Да, например, гимн России. Музыка досталась от СССР, а слова новые того же Михалкова.

— О, это исключительный пример. Дали снова написать слова самому главному лицемеру. У меня в «Сладостном стиле» есть глава об осаде Белого дома во дни ГКЧП. Там старик Михалков в домашних туфлях ходит по улицам Москвы и сочиняет гимн новой России. Это было лет за пять до этого препохабнейшего сочинительства. Видите, модернистская проза может предвидеть и такие реалистические события.

— Что же вы предвидите следующим?

— А это читайте в моих будущих книгах...

■ **Ольга Ларионова.**
Биарриц.
Фото автора.



«Я сделал себе кабинет и теперь рассматриваю Биарриц как свое рабочее место. Это мое Переделкино. У нас здесь почти нет знакомых, поэтому меньше времени уходит на болтовню»

«Я уже отравлен эмиграцией. Жизнью в стороне, среди людей, которые не принадлежат твоей прямой культуре»

«Был очень выгодный курс доллара, и покупка обошлась мне дешево»

«Когда я обошел дом вокруг, увидел этот сад — мгновенно решил: все, буду здесь жить!»